

Леонид Алексеев
Главный герой
Рассказы

18+

Леонид Алексеев

Главный герой. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Алексеев Л.

Главный герой. Сборник рассказов / Л. Алексеев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Какие маски надевает главный герой, какие роли он играет? Он человек, предмет, животное? Выдуман или взят из жизни? Что он чувствует, кого любит, о чём думает? Он смешон, нелеп и часто жалок, но всегда интересен. Что и попытался передать автор в весёлых, и не очень, рассказах и байках. Обложка автора.

Содержание

Экшен	5
Стопши	6
Женские секретки	8
Могучие плечи	9
ГГ	10
Легенда синей бездны	12
Левкас	13
Коварство	14
Плохая латынь	15
Большой вес	17
Хвосты и гривны	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Экшен

Первый день на настоящей работе. В напарниках у Тиныча. Он – легенда. Сидим в прокуренной комнате на промятом диване. Оба в одинаковых жёлтых куртках. Вид, по правде, дурацкий. В карманах – Беретты. Рядом журнальный столик. На нём металлический чемоданчик с наркотиками.

– Ты, главное, меня слушай и не бзди. Всё будет в рамках, – хриловатым басом шепчет Тиныч.

Раздаётся хлопок. Тиныч вскакивает, выхватывает ствол и оказывается у двери. Я с чемоданом за ним, прижимаюсь к стене. Он встаёт на одно колено, приоткрывает дверь и дважды стреляет в коридор. Слышно, как падает тело.

– Давай бегом! – Тиныч бросается в коридор.

Бегу за ним. Сзади топочут преследователи. Мелькают деревянные грязные двери. Налево. Останавливаюсь и стреляю вдоль стены. Один падает. Ещё коридор. В торце – окно.

– Не стой! Надо делать все с первого раза, тогда работа будет и деньги! – Тиныч сходу наваливается на раму и вылетает вместе с ней. Прыгаю следом. Летим. Сзади слышны выстрелы и крики. Ров с водой всё ближе. Зажмуриваюсь. Вылезаю. Тиныча уже атаквали три парня. На секунду засмотрелся на него – двойка корпус – голова, нырок, хук – и тут же получаю удар. Падаю. Надо мной огромный детина:

– Ты чего?

– Бей его! – орёт Тиныч.

Рядом оказался кусок трубы. Хватаю и бью здоровяка наотмашь по голове.

– Сука! – взвизгивает громила.

Тиныч уже отделал своих и бежит к машине. Заводит, разворачивается. Запрыгиваю на ходу и мы скрываемся за углом здания, из которого выпрыгнули.

Возвращаемся в комнату. Режиссёр с оператором просматривают отснятый материал.

– В рамках? – спрашивает Тиныч.

– Так себе, – морщится оператор. – Напарник твой растерялся.

Вдруг слышу из коридора: «Где этот идиот?» Выглядываю. Тот, которого я трубой стукнул, бежит ко мне. Проход перекрыл. Ну, нет, дудуки! Я теперь знаю путь! Бегу по коридору. Направо. Ещё коридор. Окно. Надо же, уже вставили. Влетаю в раму. Впустую. Как это у Тиныча получается? Разбиваю стекло и кое-как выпрыгиваю. Порезался. Ну и глаза у чувака. Что он кричит? Смотрю через плечо: «Твою мать! Где ров с водой? А-а-а!»

Стоппи

В тот год я за весь чемпионат не забил ни одного мяча. Центрфорвардом меня ещё держали, помня прежние заслуги, но уже пошли разговоры и слухи о моей замене. Выходить на поле просто «для мебели», с каждым матчем становилось всё мучительнее. Неуверенность, как удав, сковывала движения. Но ребята и без меня довели дело до «золотого матча». «Кардан» отставал от нас на одно очко, и в последнем туре нам хватало ничьей, чтобы досрочно стать чемпионами.

За день до игры «шофера» приехали на наш стадион провести тренировку. Не помню уже, чего я там ошивался, но в вестибюле мы столкнулись с их основным вратарём Витей Шестых. Он пару лет играл за нас, но переметнулся, узнав, что к «Кардану» менеджеры профессионалов присматриваются особенно внимательно. Поговаривали, что по итогам чемпионата его могут пригласить в «Спарту». Шестых шёл уверенной походкой, держа под мышкой мотоциклетный шлем. Я поздоровался. В ответ Витя кивнул мне с надменной ухмылкой: «Тебе к сессии разве не надо готовиться?» Занимайся мы фехтованием, это называлось бы «туше». Сколько экзаменов я сдал самостоятельно за четыре года учёбы? Да нисколько. И теперь, вылети я из команды, с универом придётся распрощаться.

Я купил стаканчик кофе и отправился на улицу, завидев через стеклянную стену фойе двух девчонок с нашего потока. Не успел я выйти, как с ними поравнялся мотоцикл Вити. Притормозил, поднял заднее колесо в воздух и пару секунд балансировал на переднем. Как назывался этот трюк, я не знал, но успел подумать, что вот и я так же: вперёд не двигаюсь, и сойти не могу, а ошибись на градус... Тут мотоцикл, вместо того, чтобы опуститься обратно, завалился вперёд и припечатал Витю к асфальту. Он было вскочил, но тут же согнулся, держась за правую руку. Девочки, хихикая и нашёптывая друг другу на ушко, прошли мимо, покачивая короткими подолами юбок-плиссе. Не помню, улыбался ли я открыто, но радовался и надеялся, что у Вити перелом. Хорошего запасного вратаря они ведь так и не нашли. Помогая Вите поднять мотоцикл, я разглядел, что его правое запястье начинает синеть, и он еле-еле шевелит пальцами. С такой рукой он уже не игрок.

– Ну что, встретимся в следующем сезоне? – не удержался я. – А уж по пустым воротам мы как-нибудь не промахнёмся.

Но Шестых, видно, о моих бедах тоже знал:

– Да ты в пустые хоть попади! – осклабился он и тут же сморщился от боли, прижимая к животу ушибленную руку.

«Опять мне полкорпуса не хватило!» – сожалел я, что не удалось «размазать» Витю. Плевать! Главное, на игре его не будет.

Но я ошибся. Назавтра Витя значился основным вратарём в заявочном списке. Первым порывом хотелось пойти к их тренеру и прояснить ситуацию. Но я сдержался, поняв, что так даже лучше. Теперь я знаю, что бить надо в правую сторону ворот. Шестых инстинктивно будет щадить руку, и у меня есть все шансы. А тут ещё, весьма кстати, меня заявили не центральным, а крайним левым нападающим.

Всю игру я как заведённый пробивался через защиту «шоферов». Но то ли они знали о травме своего вратаря, то ли я от усердия много ошибался. Словом, никак не мог прорваться к воротам. А уж когда они открыли счёт, я почувствовал, как уныние навалилось мне на плечи.

Матч шёл к концу. В глазах соперников поблёскивали три победных очка. Шестых, наверное, мысленно уже примерял форму «Спарты». На последней минуте, получив мяч из глубины нашей обороны, я начал атаку. Обменялся пасами с центральным и неожиданно легко оказался у чужой штрафной. Защитники замешкались и я, проскочив между двумя из них, добежал уже почти до линии вратарской. Но удар сзади по ногам меня подкосил. Кувырок и

я лежу на газоне. Свисток. Приподнял голову и посмотрел на судью. На него посмотрели все. Весь стадион молча ждал.

Пенальти! Я вскочил и бросился к нашему капитану.

– Даже не думай! – отрезал он. – Ты представляешь, что стоит на кону!

– Представляю! – Терять мне было нечего. – Но я уверен и знаю, что делать!

Капитан прищурился и осмотрел меня с явным сомнением. Но мы начинали вместе, и в лучшие времена он всегда мне доверял. Секунд пять он помолчал и мотнул головой в сторону мяча, застывшего на одиннадцатиметровой отметке.

И вот мы с Шестых стоим друг напротив друга, как вчера у мотоцикла. Вижу, Витя правую руку держит не так свободно, как левую – болит, значит. Вот он мой шанс! Судья дал свисток. Осталось только посильнее ударить.

Но тут вдруг, разглядев пустоту ворот за спиной вратаря, я почувствовал такую же пустоту в душе. Все перегорело. И неприязнь к Шестых, и желание выиграть любой ценой, и страх уйти из команды. Я понял, что сейчас на кону не наше чемпионство на один год, а то, чем я заполню пустоту своего сердца на всю жизнь. Цвета вокруг потускнели и затихли звуки. Только моё дыхание дрожало, как стрелка весов судьбы, ожидая на какую из чаш упадёт моя совесть.

Помню, даже не стал разбегаться. Подошёл и пнул мяч, целясь во вратаря.

Что произошло в тот миг, я осознал не сразу. Как только моя бутса коснулась мяча, Витя бросился вправо словно готовился к этому прыжку всю жизнь. Упал, схватился за больную руку и застонал. Мяч лениво пересёк линию ворот и уткнулся в сетку.

Потом было много радости. Меня качали. Мы стали чемпионами. Но из команды я всё равно ушёл. Сдал сессию. На тройки, но сам. Тем же летом поехал в стройотряд и заработал на мотоцикл. Но ставить его на переднее колесо так и не научился. Стоппи это называется.

Женские секретки

Совсем ещё молоденькая, но уже замужняя, женщина возвращается домой, плюхает набитую снедью тряпочную сумку с длинными ручками на кухонный стул, садится рядом на табурет, закидывает ножку на ножку, выставляя напоказ розовые коленки, и, пока её муж нетерпеливо выгружает продукты, кладет ладошки на стол, разглядывая растопыренные пальчики:

– Не, прикинь, щас мужик в магазине спрашивает: "Девушка, сколько стоит Ваш маникюр?"

– Фига се, борзёж! А ты чё?

– Я ему: «Я б ещё поняла, если б девушка спросила, но от Вас такой вопрос... Странно».

– Гы. А он чё?

"Просто, моя тоже, – грит, – делает такой, но не говорит сколько стоит."

– Я грю: «Маленькие женские секретки. Вам лучше не знать». И ушла. Ха-ха, скажешь ему, он потом всю ночь спать не будет.

Муж, так и не найдя в сумке пива, задумывается:

– М-да?! Хм... А сколько стоит твой маникюр?

Могучие плечи

У Галины Харитоновны, женщины под семьдесят и ростом сто шестьдесят, были могучие плечи. Во всяком случае, так говорил ее зять. Стоило ему или ее дочери придумать очередной фантастический план, как ей говорилось: "Мама, часть забот ляжет на Ваши могучие плечи". Естественно, через пару дней заботы обрушивались на Галину Харитоновну всей тяжестью. Очередным испытанием для старушки стали два кобеля-алабая. Первый месяц она еще справлялась с ними. Но потом, так называемые, щенки стали справляться уже с ней. И вот как-то раз поутру Галина Харитоновна зазевалась на крыльце. С зятем заговорила. И неосмотрительно оба поводка в одну руку взяла. А собаки возьми и рвани вперед. Зять инстинктивно схватил тещу за вторую руку. Словом, вывихнули ей оба могучих плеча. В травматологии врач спрашивает:

– Кто же это Вас так?

– Зять, Дара и Атас.

– А это кто такие?

Галина Харитоновна подняла страдальческие глаза:

– Соба-а-аки!

ГГ

- Эй, ты здесь?
- Здесь я! Здесь! Где ты был так долго?
- Не твоё дело!
- Да? Ну ладно. Только сделай из меня кого-нибудь уже. Устал я тут один, в темноте. Без лица и голый. Даже не знаю, устал, устала или устало... Давай, определись скорей!
- Спокойно! Мне всего-то нужно домашнее задание сделать. Это ненадолго, собственно.
- Да мне плевать! Хоть домашнее, хоть уличное! Я тебя жду-жду, а ты мне тут начинаешь!
- Так, тихо! Ты кто такой вообще, чтобы грубить мне, а?
- Ну, да... Я никто. Так и сделай, чтобы я стал кем-то, или даже о-го-го кем. Можно прям и начать с о-го-го. Ты же можешь, я знаю. М?
- Не могу, вот, оказывается. Мог бы, давно б сделал.
- Тю, тоже мне, автор называется. Чего тогда пришел, чего зовешь? Душу только растравил. Без тебя лучше было, вот!
- Ха, лучше ему без меня! Нет, вы послушайте эту резиновую куклу! Да у тебя даже размер ноги будет такой, какой я скажу. Не говоря уже про нос, цвет глаз, длину...
- Да, да, ладно. Один – ноль. Но...
- Ага, и падать у меня будешь только на бетон. И в яму со львами я тебе пистолетик не положу. И...
- О, ка-айф! Что, правда яма со львами будет?
- Похоже, что у нас с тобой вообще ничего не будет.
- Ух, зануда! Ты, кстати, знаешь, тоже не очень-то. Ты ж без меня никуда. Я у тебя в башке крепко сижу. Ты еще не знаешь, ни как я выгляжу, ни чем буду жить, а я уже есть! Я же твой «гг», как вы, авторы, меня называете. Но ты присмотришь получше-то. Не такое уж я г... Уж, во всяком случае, не двойное. Впрочем, хороший автор из любого многократного г... повидло сделает. Но мне, знать, не судьба...
- Это что сейчас был за монолог?
- Хе... Как его? Монолог главного героя. Глядишь, ещё в школах наизусть будут учить! Когда литературой занимались мужики, которые знали, что со мной делать, у меня почти в каждом произведении монолог имелся. Так что, один – один, типа.
- Ты болельщик, что ли? Или играл за «Динамо»?
- Могу и болельщиком, если надо! Есть идея?
- Идеи есть, не дрейфь. Но сейчас, просто побудь самим собой!
- Да кем собой-то?! Я ж никто! Дай мне меня, я и побуду. И собой, и тобой могу, кстати. Только без злоупотреблений попрошу! Начнёшь, мол, ты – это я... А я – это я, хоть и я – это ты.
- Нет-нет, сейчас ты – это ты. Ты – мой герой. Серый, резиновый, без лица, но герой! Просто посиди здесь и подожди, пока про тебя прочитают.
- Прочитают? Серьёзно? Про что? Про то, что я – никто, а ты – это я?
- Так, давай-ка, фильтруй! Я про себя и сам всё знаю.
- Ага, ха-ха, начни сочинять про меня и про себя такое узнаешь, что каждого потом будешь убеждать: «Он – это не я!». Чтoб кто-нибудь, паче чаяния, не догадался... кто из ху.
- У тебя всё?
- Хм. Да. Ладно. А ты вернёшься?
- Вернусь, вернусь!
- И яма со львами будет?
- Будет.
- И болельщики?

- Да.
- И...
- Ну уж ясен пень!
- Ладно, давай. Только ты это... не долго!
- Я мигом! Ты – супер! Пока!

Легенда синей бездны

– Мама, почему не все отправились с нами на север?

– Они ушли, чтобы принести Великую жертву.

– А что это такое?

– Пожалуй, тебе уже пора знать. Вот послушай:

«Во времена, когда скалы были молодыми, собрались великие племена Одо и Мисти на совет. Пришедшие кружили вокруг старого горбатого Мега из племени Мисти, и он молвил:

– Уже как хозяйка входит смерть в наш мир через Сапи. Сапи менее всех приспособлен к жизни. Сила его в уме. Но чем острее ум и глубже знания, тем шире границы подлости Сапи и его черствости. Все ловчее обращается он с оружием, и все искуснее становится он в науке убийства. А потому, как только он узнает о нас, будет убивать всех подряд. Ни детей, ни матерей щадить не станет. И раз уж заведено от начала, что воевать мы с ним не можем, мы должны принести жертву: отдать Сапи некоторых из нас.

– Так Сапи же сразу о нас узнают! – засуетились крошки Капа и Коги.

– И кого именно будем отдавать? – В вопросе хитрого Эшри читалось: «Кто сделает этот выбор?»

Могучий Бала молча вздохнул.

– Думаешь, старый Мег, такая жертва насытит Сапи? – прогремел южный гигант Юба.

– Нет, так нельзя, я против! – выпалил юный Орчи из племени Одо. – Надо сражаться! Сапи маленькие и слабые, им не победить нас. Я дам им отпор! Я стану первым нападать, где бы их ни встретил.

– К сожалению, это не вопрос победы, а вопрос сосуществования для достижения высшей цели, – попытался объяснить старый Мег. – Не нами заведен такой порядок, но, в отличие от них, мы знаем его истоки, а Сапи заблудились. И спасаем мы больше их, чем себя.

– Прощайте! – выпалил юный Орчи и ушел, уводя за собой свою семью.

– Боюсь, ты прав, старый Мег, – прогудел могучий Бала, – иначе дела не решить. Но одного раза будет недостаточно. Приносить жертву придется постоянно, пока мы живем с ними в одном мире.

Старый Мег кивнул:

– Ты понял и сам сказал это, Бала. Нам еще предстоит понять, кто же возьмет на себя этот подвиг...

На том они и порешили. Сапи были очень довольны. Им хватало тех, кто принес себя в жертву. Но юный Орчи сдержал слово: стал нападать на Сапи. Ненасытность Сапи, подогреваемая жаждой мести, привела к бойне. Великие племена снова собрались на совет. Гигант Юба рассказал, что крошки Капа и Коги погибли, а их семьи почти полностью истреблены. Пришел и юный Орчи, повинился перед старым Мегом и перед всеми и сказал:

– Я пойду следующим.

С тех пор некоторые из нас, кто острее других чувствует ответственность за жизнь великих племён, уходят, чтобы найти свой берег».

В сумерках тесного прокуренного портового бара с дощатыми столами и закопченной лампой над замызганой стойкой хриплый динамик старенького телевизора с выцветшим экраном вещал последние новости: «Сегодня на северо-западном побережье десятки китов выбросились на берег. Это явление пока не нашло научного объяснения. Ученые продолжают изучать физиологию китов и строят гипотезы, пытаясь объяснить, с какой целью морские млекопитающие совершают массовые самоубийства. Оставайтесь с нами, мы продолжим после рекламы».

Левкас

Кровельщик Артём приехал в городок С. на подворье небольшого монастыря, где уже квартировали иконописцы из Почаева. Познакомились. Поужинали. Художники сели «творить» краски на завтра. Артём на выделенной ему кровати накрылся ватным одеялом и слушал в полудрёме, как они шуршат курантами по стеклянным плиткам, растирая темперу, и рассказывают байки. Про Сурикова, про лавру. И подумалось ему: «Вот и меня жизнь так же трёт по дорогам, по монастырям. Интересно, что я за краска? Киноварь – цвет крови Господа и мучеников? Голубец – цвет Богородицы и мира? Ярь – цвет Святого Духа и преподобных? Нет, куда мне до таких высот. Бывает, работаешь на луковице и думаешь, мол, близко к Богу, а земля-то тянет. Всё же я, пожалуй, левкас. Втёртый, клеенный в самую доску. Никто меня не видит, а на мне держится вся картина. Да уж, смиренно». Артём улыбнулся, натянул одеяло на голову и, засыпая, вспомнил своего учителя: «Мы высоты не боимся. До пятнадцати метров – ещё не высота, а после – уже не высота».

Коварство

С коварством Сева впервые столкнулся, когда ему было восемь. Коварству стукнуло пять, а имя ему было Мира. Судьба свела их на побережье, где Сева отдыхал с бабушкой и маленьким братиком Вовой, а Мира – с родителями. Бабушка непрестанно корила Севу и всеми силами принуждала его смотреть за братом.

Как-то, увидев пластиковую палочку у Севы во рту, Мира уточнила:

– Это твой Чупа-чупс?

– У бабушки в сумке нашел, – доверительно поведал Сева.

– Какого цвета, покажи! – Мира сделала манящее движение пальцем.

Сева, польщённый вниманием, с причмоком извлёк конфету.

– Вот, она так и сказала: «Красный»! Бабушка твоя его ищет! Говорит, купила Вове, а...

– Вове? – испугано выдохнул Сева. – Что же делать?

– Надо его назад в фантик завернуть, – предложила выход Мира, – давай, у меня есть.

– Нет! – Сева решительно оттолкнул протянутую ручонку. – Я помню, куда свой бросил,

он в комнате.

– Беги скорей, – приободрила его Мира. – Чупа-чупс оставь, вдруг там бабушка.

Сева отдал ей конфету и бросился в дом... Дурачок!

Плохая латынь

После наркоза Копыль чувствовал себя отсиженной коленкой. В спутанных мыслях толкались тревожные сомнения вперемешку с обрывками ярких фантазий. «Жаль музычка не играет. А что? Американец "Форда" взял, а я, лучше, "Лексус", – Копыль то и дело приподнимал одеяло, поглядывал на бинты и прислушивался к организму. – Мне вдвое больше обещали. Поди, плохо! Ещё и на туда-сюда останется. Копылихе моей понравится. Да ей, вообще, сюрприз будет!»

В палату вошла лечащая – Анна Марковна, разулыбалась:

– Как вы, Пёт Фёдч?

«Ишь, губы накрасила! А зубки-то белые!» – непроизвольно отметил Копыль. – Что-то, Анна Марковна, пальцы немеют. – Он аккуратно ощупывал себя под одеялом. – Не пойму, что там. От наркоза?

Врачиха наклонилась и потрогала шею Копыля под ушами. «Ох ты, под халатом только бельё! – Копыль отвёл глаза и насторожился: тело отозвалось вялым эхом велосипедного звонка, вместо привычного перегуда туго натянутых струн. – Всё, встал на ручник».

Анна Марковна откинула одеяло. Копыль приготовился, как и до операции, с удовольствием ощутить её прикосновения. Но тело пробуксовало. Анна Марковна посмотрела Копылю в глаза:

– Секундочку, Пёт Фёдч, – она открыла папку-планшет. Полистала, похмурилась. – Щас, щас.

Врачиха ушла. Копыль натянул одеяло на нос: «Почему никогда без "щас-щас" не обходится?»

...

Кризис среднего возраста у Копыля затянулся. Сколько Пётр ни вглядывался, никаких зовущих далее впереди больше не видел. Одни пропасти через каждый шаг мерещились. Да и назад глянет – пустыня. У сыновей своя жизнь: один бэбиситтером в Европе, второй где-то за полярным кругом грехи замаливает. Любовницы стареют. Талантов никаких не обнаружилось. Копылиху дома не застать – разъезжает с учениками по конкурсам и фестивалям. Она в музыкальном училище баян преподавала. Люто Копыль затосковал. От курева – кашель, от водки – головная боль. Маялся-маялся, да в очередной женин отъезд решил повеситься.

Снял люстру. Подёргал крюк – качается. Достал инструмент, укрепил. Вспомнил пилёж Копылихи – повесил полки на кухне. Заодно обои в коридоре переклеил. Стал верёвку привязывать, у соседа музыка заиграла: «Мне уже многое поздно, мне уже многим не стать...» «Вот, точно!» – воодушевился Копыль, завязывая петлю. «Самое время мечтать», – утверждали за стеной. «Самое время?» – Пётр проверил, хорошо ли скользит петля, удовлетворенно кивнул и включил телевизор. Собачка из Простоквашина предлагала продать что-нибудь ненужное. «Что б такого загнать, чтоб на "Лексус" хватило?» – горько ухмыльнулся Копыль, разворачивая свежий номер «Спид-инфо». «Американский пенсионер, мечтавший купить новый автомобиль, продал...» – прочитал Пётр и закрыл газету: «Так вот же решение!» Нашёл объявление подходящей клиники и позвонил.

– Здравствуйте! – ответил игривый женский голос. – Меня зовут Людмила. Чем могу вам помочь?

Копыль объяснил.

– Ой, какой приятный баритон, – кокетничала Людмила. – Да, мы делаем такие операции, приезжайте.

...

Анна Марковна без стука ворвалась в кабинет молодого хирурга, оперировавшего Копыля. Регистраторша Люся молниеносно соскочила со стола и оправила короткую юбку:

– Здрасьте! – Люся боком протиснулась в коридор.

Анна Марковна ногой захлопнула за ней дверь:

– Гамлет, ты показания Копыля читал?

– Я всё читаю, – под чёрными кудрями блеснул надменный взгляд.

– Что здесь написано? – Анна Марковна постучала пальцем по планшету перед носом у хирурга.

– Два testiculus, – прочитал Гамлет. – Да в чём дело?

– Testiculus – это единственное число, придурок!

– Э, у меня с латынью всегда было не очень, – Гамлет развёл руками и сощурил глаз, мол, чего вы хотите?

– У тебя и с русским «не очень», – Анна Марковна нависла над Гамлетом.

– Там «два» написано... же, – Гамлет, отстраняясь, качнулся и упал вместе со стулом.

– Два?! Если за тебя Люська бумаги заполняет, пусть хоть группу крови правильно пишет! Тебя не учили, что истории для прокурора заполняются?

– Где учили? – Гамлет барахтался между столом и стеной. – Зачем прокурора?

– Вы себе лет на двадцать назаполняли! Иди и пришивай обратно за свой счёт, что ты Копылю лишнего отрезал! – Анна Марковна пнула Гамлета в бедро.

– Ай! У меня нет счёт! – заскулил он.

– Пойду, у директора поищу, – Анна Марковна вышла в коридор, не закрыв дверь.

В кабинете директора двое мужчин в одинаковых чёрных костюмах вынимали из шкафов папки, неспеша просматривали содержимое и складывали их в коробки. Анна Марковна, привыкшая не вникать в дела директора, не обратила внимания ни на его серое лицо, ни на всклокоченные седые волосы. Она красочно и подробно обрисовала халтуру Гамлета. Директор поднял на Анну Марковну страдальческий взгляд:

– Анечка, (в паузе послышалось: «Твою мать!») клинику закрывают, счета арестованы. Дайте вашему Копылю контейнер, в другой клинике пришьют, я договарюсь. А заплатим ему, когда сможем.

Добитая Анна Марковна плюхнулась в кожаное кресло:

– Может, ему оба отдать тогда?

– Можете отдать оба. Но реципиент деньги уже перевел. Не пересадим – убьёт.

– А как же, если клиника...

– Вы свободны, Анечка (послышалось: «Пошла на...»), – перебил её директор.

...

С другой клиникой директор не договорился. Не успел, наверное. Копыль обращался сам, но ему отказывали или заламывали неподъёмные цены. Делать нечего, продали квартиру. Заплатили. Открыли контейнер. По запаху стало ясно, что пришивать уже нечего. Копыль потребовал вернуть деньги. Ему ответили, мол, дело не быстрое, звоните. Звонил он усердно. А потом нашли в договоре козявку, убившую последнюю надежду наповал.

И пошли они с Копылихой петь в электричках и переходах. Через год начали выступать по кафе да ресторанам, на свадьбы их звали. Вместо фанерного домика на самозахваченном участке подняли кирпичный коттедж. Землю в собственность оформили. «Лексус» купили. Мыться стали не только летом. Копылихе и впрямь понравилось: и Петька от неё не гуляет, и заработок идёт стабильный. А она знай себе на баяне наяривает. Задорно так! Консерваторское образование – не отнять! Но по негласному уговору яйца они больше не покупают.

Большой вес

В нашем обществе я имею большой вес. В этом корень моего одиночества. Да, мужчины с вожделием сверлят взглядами мое литое тело, но мало кто осмеливается подойти. А уж увлечь меня могут лишь единицы.

Особенно хорош был последний. Как он ласкал, как поднимал и кружил меня! Как мне нравилось ощущать его мощные толчки, когда он брал меня сверху! А какое блаженство делать это перед зеркалом! Подниматься и опускаться под его напором и чувствовать, как его сила превращает закристаллизованную в меня энергию в инерцию страстных движений. Вверх–вниз!

Но мои мужчины уходят, не прощаясь. Еще теплая от прикосновений, я смотрю на их спины, и, в такт шагам, во мне медленно затухают вибрации восхитительной неги. И наступает одиночество. Холодная, неудобная пустота. Но у меня чугунные нервы и я не чувствую ее, только понимаю, что она есть. Понимать – хуже, чем чувствовать. Чувства сторают, а от понимания можно избавиться, только сойдя с ума.

Подруги, знаю, подтрунивают надо мной, мол, поди, возьми её. Но за вес уважают. Они-то сами калибром помельче и мужичок вокруг них вьётся пожиже. Но постоянно. Понимаете? Весь день около них толпы поклонников. Обидно бывает. Завидую.

Постойте-ка! Это же он – моя последняя пассия! Его кожа божественного цвета! Вены струятся по его предплечьям и бицепсам! Мы снова вместе! Бери же меня скорее! Возьми меня сверху! Я хочу ощутить твои техничные толчки. Вверх–вниз!

Еще полный волнительного напряжения, он нежно ставит меня на пол, учащенно дышит, его грудные мышцы играют и переливаются под кожей. Я жду. Я готова! Там, где царствовал космический холод одиночества, бушует невиданной силы пожар желания, разогревая меня изнутри. Моей природе, вообще, свойственно раскаляться. И мы повторяем! Ещё. Ещё. Ещё.

А вы, мои легковесные подружки, знайте, что хоть я и смешна, не даваясь в руки неумех с потными ладошками, вознаграждение за моё терпение многократно пропорционально весу, который я имею в нашей качалке, потому что среди вас я единственная – трёхпудовая гирия!

Хвосты и гривны

Рыбалка в Штормовом – что угодно, только не промысел. Каждый день местные выходят на один и тот же мысок. Приносят снасти и мебель – скамейки, стульчики, банкетки. Забрасывают спиннинги в лазурную даль, где на переломе отмели, дескать, кефаль «пасётся». Сидят. Ждут. Клюнет у кого, остальные тут как тут. Топчутся, судачат, обмывают. Но за день клюёт раз-другой, не больше. Поэтому часа через три пьют уже просто за удачу. Отдыхающие на выдержанные годами рыбацкие традиции смотрят по-разному – кто с уважением, кто с восхищением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.